

Вера Мир

Притяжение
добра

Вера Мир

Притяжение добра

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6

Мир В.

Притяжение добра / В. Мир — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00095-155-2

Творчество Веры Мир – это новое направление в литературе, которое занимает особую нишу: располагается оно на стыке художественной литературы, психологии и философии. Вера – потрясающий рассказчик, и теперь ее удивительно интересные истории смогут прочитать тысячи читателей в нашей стране и за рубежом. Удачно и стремительно заявив о себе в книге «Апельсиновый суп», автор продолжает удивлять нас откровенностью, показывая на примере своих героев, что даже в самом отчаянном положении выход всегда найдется, если его искать, а не ждать у моря погоды. Прочитайте «Притяжение добра», и в вашей жизни многое наладится, вы сами поймете, что и как надо делать. Для широкого круга читателей, начиная с подросткового возраста и далее без ограничений.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00095-155-2

© Мир В., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Повести	6
Жизнь полна сюрпризов	6
Волна судьбы	14
Первая глава	14
Вторая глава	19
Третья глава	21
Четвертая глава	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

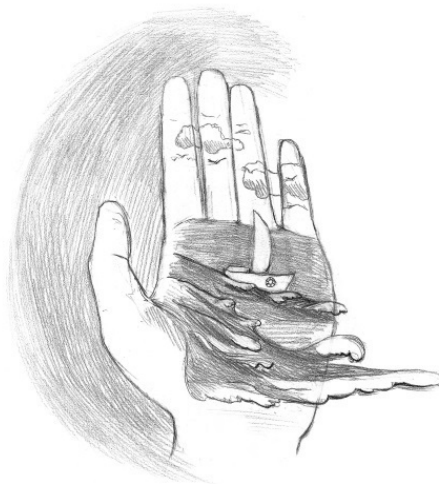
Притяжение добра

Вера Мир

Притяжение добра. Повести и рассказы

Моему мужу с бесконечной любовью

Повести

Жизнь полна сюрпризов

*Мир чудес и красоты,
Соткан он из доброты,
Там сбываются мечты!*

Екатерина Жерягина
(Написано в возрасте десяти лет)

Валентин Петрович, отставной генерал, после своего восьмидесятилетия отправился по путевке в подмосковный военный санаторий. Место во всех отношениях приличное. Красивый парк, рядом водоем. Аккуратные корпуса.

Последний раз в том санатории он был пятнадцать лет назад с женой. Прожив душа в душу тридцать восемь лет, они сразу после годовщины свадьбы поехали отдыхать туда, в одно из любимых своих мест. Там они плавали в бассейне с морской водой, принимали всевозможные процедуры. В общем, провели время замечательно.

А спустя пять лет Марии Сергеевны не стало. Овдовел Валентин Петрович, и жизнь стала не мила.

Десять лет генерал прожил, как биоробот. По инерции отмечал свой день рождения, на который всегда собиралась вся семья, дети, внуки.

Жил Валентин Петрович в Москве, в Чистом переулке. Там было тихо, и все напоминало о счастливых годах супружеской жизни.

Дочь с мужем, программисты, в начале девяностых уехали в Германию, там и остались жить, родили двоих детишек. Дочка немного скучала, но возвращаться не собиралась. Мужа ее в России ничто и не держало, поскольку вырос он в детском доме. Так получилось, что друзей детства у него не было, более того, он раздражался, когда спрашивали про ранние годы,

создавалось впечатление, будто ребенком он не был, а сразу стал взрослым. Однако семью свою боготворил, старался для жены и детей делать все, что только мог, и даже больше. В Москву они приезжали редко. А в Германию Валентину Петровичу ездить не нравилось. В результате общались в основном по телефону.

Сын генерала работал деканом факультета прикладной математики в одном из университетов.

После смерти Марии Сергеевны дети звали отца к себе. Но для него подобные предложения были неприемлемы. Больше к данному вопросу никогда не возвращались.

Денег Валентину Петровичу хватало, внуки к нему сами приезжали, деда любили и уважали, а он – их. Опыт и знания генерала в отставке были необходимы стране, и его каждую неделю приглашали на совещания и переговоры.

Но когда внутреннее одиночество брало свое, Валентин Петрович, грешным делом, подумывал, а не перестать ли просто есть, чтобы все мучения закончились. Однако мысли эти таяли, стоило ему снова и снова осознать, как прекрасна и непредсказуема жизнь, что она интересна и полна сюрпризов.

Без Маши ему жилось тоскливо и душевно одиноко. Ведь она была не только женой, но и его путеводной звездой.

Маша всю жизнь носила короткую стрижку, и ей даже шла седина, которая начала появляться после сорока. Редко можно было встретить такое гармоничное создание, как супруга Валентина Петровича. Фактически до самой смерти она вела физкультуру в школе и при этом умудрялась дополнительно преподавать школьницам художественную гимнастику и быть завучем по воспитательной работе.

В доме у Марии Сергеевны и Валентина Петровича всегда был порядок, поддерживался он незаметно, муж никогда не видел ее занимающейся уборкой и домашними делами, и всегда Маша была бодрой и веселой.

Особенно в последнее время часто вспоминалась генералу первая встреча с Марией Сергеевной. Тогда он был старшим лейтенантом, а Маша только-только защитила диплом и получила распределение на работу в московскую школу учителем. Познакомились они в парке имени Горького и больше не расставались.

Валентину до встречи с ней нравились совершенно другие девушки: высокие, фигуристые, с длинными волосами.

Увидев тоненькую девушку с короткой стрижкой, без всяких украшений и косметики, с рюкзаком, в полуботиночках на низком каблучке, Валентин испытал что-то вроде удара по голове, например, стопкой книг. Маша наблюдала, как белка ест хлеб, которым, по-видимому, сама девушка и угостила зверька.

Валентин оказался в парке, потому что договорился встретиться там со своим другом-одноклассником

Сашкой, а тот не приехал. Он был актером театра и домой заскочил проездом с одних гастролей на другие на несколько дней повидаться с родителями. Друзья договорились накануне, но, прождав безрезультатно целый час, Валентин на друга не злился, будучи уверенным, что неспроста тот не пришел, но прежде чем звонить и узнавать, где же Саша, решил прогуляться.

Молодой офицер шел по парку и набрел на Машу. Она сидела на корточках, а напротив нее белка около дерева ела хлеб, держа его двумя лапками. Девушка смотрела на белку, а та ела и своими глазками – черными бусинками – поглядывала то на хлеб, то на Машу. Создавалось впечатление, что они с белкой знакомы и им есть что сказать друг другу, просто белка ест и не хочет говорить с полным ртом. Валя стоял и смотрел на них, потеряв чувство реальности.

Доев последний кусок, зверек с пушистым хвостом взглянул на девушку, потом повернул голову в сторону, где стоял Валя, посмотрел на него, затем опять на девушку, словно спрашивал у нее, знакома ли она с этим человеком. Девушка тоже поглядела на парня, встала.

Валентин подошел к ней.

– Ты что, эту белку знаешь?

– Конечно. Мы давно дружим.

– Меня зовут Валентин. А тебя, наверное, Белоснежка?

– Нет, меня зовут Маша. А ты, я гляжу, любишь сказки? Я тоже. Это мой любимый жанр, я их собираю. У меня есть и персидские, и английские, и вьетнамские, и так далее. Слушай, а ты давно здесь стоишь?

– Даже не знаю, вы с белкой так живописно смотрелись, что я загляделся и потерял счет времени. Ты задаешь вопросы и сама же на них отвечаешь.

– Разве? Ладно. Тогда кто тебе больше понравился, я или белка?

– А белка где?

– Может, это была иллюзия, чтобы тебя привлечь? Значит, на вопросы не отвечаешь, вернее, отвечаешь вопросом на вопрос. Так кто, я или белка?

– Конечно, ты. Часто сюда приходишь?

– Знаешь, у меня нет графика жизни, иду мимо, если есть время, захожу сюда погулять. Здесь очень хорошая энергетика. А ты?

– В детстве практически каждый день здесь гулял, живу недалеко, а теперь прихожу редко, некогда. Работаю много. Сегодня договорился с другом Сашкой встретиться, а он не пришел. Надо ему позвонить, узнать, что случилось. Там есть телефон-автомат, пойдем позвоним, а потом я предлагаю пойти в кино. Ты как? Не очень занята?

– С удовольствием. Ты симпатичный и хороший, сразу видно.

– Так уж и сразу?

– У меня глаз наметанный, я – спортсменка. Если бы ты был плохой, тебя не привлекло бы мое общение с белкой. Пошли звонить.

Пока шли, Валя подумал, что она не спросила, где он работает. Потом сообразил, что и сам не спросил, и вдруг она – школьница, такая маленькая, словно игрушечная, но очень симпатичная.

– Маш, ты учишься?

– Работаю учителем физкультуры.

– Ты? Физруки – мужики всегда. А ты девочка совсем.

– Не смотри, что я маленькая и худенькая, знаешь, какая сильная и ловкая? Кандидат в мастера, между прочим.

– По кормлению белок?

– По художественной гимнастике.

Они дошли до телефона, Валентин набрал номер друга. Подошла его мама и рассказала, что Сашу вчера увезли с приступом аппендицита на скорой, в тот же день прооперировали, успели вовремя, так что к нему уже пускают посетителей, и сообщила, в какой он больнице. Ребята поехали в больницу.

Вскоре они поженились. Саша был свидетелем на свадьбе.

В санаторий Валентин Петрович приехал на машине. Дети уговорили подлечиться и отвлечься от обыденности. Он согласился, но решил: если не сможет там быть без Маши, уедет.

При оформлении начальник приемного отделения спросил:

– Бывали у нас?

– Пятнадцать лет назад вместе с женой.

– Тогда не будем больше об этом, – осознав трагичность ответа, сказал подтянутый, с улыбающимися глазами военный врач лет сорока пяти. Померил ему давление. – А вы, товарищ генерал, молодцом. Зарядкой занимаетесь?

– Стараюсь не засиживаться и не залеживаться, гуляю по утрам, бывает, и перед обедом. Зарядкой, признаться, перестал заниматься.

Врач задал еще несколько вопросов и определил его в номер для офицеров высшего командного состава.

– Рад познакомиться, товарищ генерал. Заходите, если что.

– Почему военную форму не носите? В наше время военные врачи на форму надевали белые халаты. Вы же военный врач?

– Да, военный. В нашем медицинском учреждении можно без формы работать. Понимаете, так легче с теми, кто в запасе и в отставке, общаться.

– А в каком вы звании?

– Подполковник.

– Добро.

– Я свободен, товарищ генерал?

– Ладно, подыграли вы мне, – улыбнулся Валентин Петрович. – Пойду вещи отнесу в комнату.

– Вам помощь нужна?

– Спасибо, справлюсь.

Устроившись в номере, Валентин Петрович решил пройтись по территории. До обеда оставалось время, все процедуры начинались с завтрашнего дня, так что можно было погулять, а вещи разобрать потом. «Маша бы их уже разобрала, всё бы развесила, и о мелочах вообще не нужно было бы беспокоиться», – рассуждал он.

Валентин Петрович спокойно шел по парку, вдруг дорогу перебежала белка, тут же забралась на дерево и перепрыгнула на соседнее. «Машенька знаки подает, чтобы я не ходил бездумно», – улыбаясь, думал генерал.

После смерти жены Валентин Петрович курил по три пачки в день, что-то пытался сочинять, рвал исписанные мелким почерком листы бумаги на мелкие кусочки, бросал на пол, даже написал Маше письмо, запечатал в конверт и положил в одну из ее любимых книг. С головой ушел в работу, сильно похудел и мало с кем общался.

Дети беспокоились, дочь пыталась жить с отцом, но он настоял на ее возвращении в Германию к семье. Сыну тоже не удавалось вывести Валентина Петровича из состояния непрекращающейся депрессии, перемешанной с поведением трудоголика.

Когда исполнился год, как не стало Марии Сергеевны, собралась вся дружная семья. Вспоминали маму, пели ее любимые песни, смотрели семейные фильмы. Отец изрядно выпил, шумел, с трудом уложили его спать. На следующий день Валентин Петрович подал рапорт об увольнении в запас и бросил курить. Взял путевку в военный санаторий в Сочи. Там плавал в море, читал и играл в шахматы.

Год нигде не работал, затем нашел себе хорошее место по душе, где был консультантом и фактически имел свободный график работы. В результате если сложить его генеральскую пенсию и заработок на гражданской службе, то вполне хватало для безбедного и независимого существования. Человеком он был разумным, сильным и много знающим.

Дойдя до скамейки, Валентин Петрович присел отдохнуть. Напротив на лавочке сидела и читала книгу симпатичная женщина с хорошо уложенными темными волосами, возраст определить трудно, но было ей явно больше шестидесяти. Одета она была дорого и со вкусом. Рядом стояла элегантная палочка. Много лет Валентин Петрович думал, что женщин не существует, что они все где-то в художественной литературе и кинофильмах. Он встал и подошел.

– Извините, что отвлекаю вас. Здравствуйте. Разрешите представиться: Шведов Валентин Петрович, генерал в отставке, – при этом он приставил ногу и сделал поклон головой, как делали гусары.

– Львова Валентина Петровна, – ответила женщина, протягивая правую руку запястьем вверх.

Отставной офицер приложился губами к протянутой руке и спросил:

– Можно присесть?

– Разумеется.

– Мы с вами тезки.

– Действительно. Это даже интересно.

– Вы здесь давно отдыхаете?

– Вторую неделю. А вы?

– Сегодня приехал, вот решил прогуляться. Бывали здесь?

– Да, я люблю ездить в этот санаторий, только всегда брала путевку в ноябре, а в этом году решила попробовать летом. Закончила свою трудовую деятельность в этом году, дети попросили, да и пора уже. Я врач.

– Какой, если не секрет?

– Кардиолог, работала в госпитале, так что я военный врач.

– А муж ваш тоже там работает?

– Вася мой был летчиком-испытателем и погиб сорок лет назад. Так что я вдова с сорока лет.

– Я вам не верю.

– Не верите, что Вася погиб? – снимая очки, явно разволновавшись, спросила Валентина Петровна.

– Вы меня простите, ради бога, я бестактный нахал. Не хотел вас волновать, дурак старый.

– О чем вы?

– Хотел сказать, что не может быть, что вам восемьдесят лет.

– Так мне и не восемьдесят, а семьдесят девять. И какая, в сущности, разница, сколько мне лет. Вы, милейший, расстроились, как я погляжу, – засмеялась Валентина Петровна.

– Очень хорошо выглядите. Вот и все. Разучился я с женщинами знакомиться. Откровенность за откровенность – моя Маша пятнадцать лет назад умерла, так что я тоже вдовец. А не пора ли нам на обед?

– Да, пора. Только я хожу медленно, мне врачи советовали ходить не торопясь, опираясь на палочку, вот она у меня здесь. Ногу я подвернула перед самой поездкой, такая, знаете ли, нелепая случайность. Так что можете идти, чтобы я вас не задерживала, товарищ генерал.

– Сговорились все, что ли? Товарищ генерал, товарищ генерал...

– Ну что вы раскричались? Сами же сказали звание. Успокойтесь, пожалуйста, все хорошо.

– Пойдемте вместе, позвольте? – он согнул правую руку, предложив ей помощь. Валентина Петровна убрала книгу в сумочку, встала, взяла под руку своего нового знакомого, прихватив и палочку. Он проводил ее до комнаты. Оказалось, что они еще и на одном этаже. Женщина попросила ее не ждать.

Валентин Петрович зашел в столовую, его посадили за стол, где сидела супружеская пара средних лет. Четвертое место было свободно. Пока приносили еду и он заказывал себе меню на следующий день, именно за их стол и села Валентина Петровна.

– Совпадение за совпадением, – сказал Валентин Петрович.

– Приятного аппетита всем.

В санатории свободного времени не так много, поскольку процедуры продолжительные и их назначили достаточно много. Валентин Петрович нашел себе партнера по шахматам, с

которым они после обеда вместо тихого часа играли партию. С Валентиной Петровной они прогуливались по парку перед обедом.

– А скажите, любезная Валентина Петровна, как же вы, интересная женщина, такая активная, и больше не вышли замуж? Наверняка были у вас предложения.

– Были, конечно. Очень я мужа любила. С Васенькой мы в одном классе учились. Он пришел к нам в девятом. После школы в высшее военное летное училище поступил, с детства мечтал самолеты испытывать. Отец у него был летчиком, погиб в сорок третьем. Его мама, замечательная женщина, водила трамвай всю жизнь, вязала на продажу и подрабатывала где могла.

Учась в военном училище, Вася мне писал письма, получала я их по два в неделю, жила с родителями в Москве. Училась в медицинском институте.

После окончания учебы Вася стал летчиком. Вскоре мы расписались. Я работала в больнице. Родили девочку. Через три года родилась вторая дочка.

Когда Вася разбился, я жила и не жила одновременно, запахов не воспринимала, цвета не различала. Писала Васе письма, рвала их на мелкие кусочки и на пол бросала.

На этом месте Валентин Петрович вздрогнул, поняв, что совпадения продолжаются, ведь он, потеряв Машу, делал то же самое.

Валентина Петровна продолжала и немного раскачивалась:

– Девочки приходили из школы, убирались, всё делали сами. За меня переживали, даже боялись, но вида не показывали, при мне не плакали. Я на них не фокусировалась, хотя краем сознания понимала, что как-то надо выбираться из этого жуткого разрушительного состояния. Спряталась от действительности в домик, как улитка. Одно свое письмо, написанное Васе, все-таки не разорвала, а положила в его любимую книгу.

Валентин Петрович еще внимательнее посмотрел на нее, ему хотелось прижать и пожалеть ее.

– Три месяца работать не могла, – продолжала она. – Меня не увольняли. Коллеги собирали деньги в размере моей зарплаты и мне приносили. Я даже не интересовалась, что это за деньги. Было все равно, и жить не хотелось. Если бы не дочки, я бы, наверное, перестала есть.

Валентин Петрович не знал, что так бывает, ведь они – просто родственные души.

– Старшей было пятнадцать, – продолжала Валентина Петровна. – Младшей – двенадцать. Дочки наши, мои родители, Васина мама, мои сослуживцы и Вася спасли меня.

На работе мне ставили какой-то отпуск за свой счет, курсы повышения квалификации, сами же за меня сдавали экзамены. Это мне потом заведующий отделением, где я работала, поведал, когда пришел ко мне на серьезный разговор. Он был влюблен в меня. Рассказал про то, откуда деньги, которые мне приносили в течение трех месяцев. И предложил выйти за него замуж. Я отказала со всем уважением. Мы с ним друзьями остались навсегда. Когда его пригласили заместителем главного врача в госпиталь, он меня к себе позвал кардиологом. Я согласилась. Присвоили мне военное звание. Позже сделали заведующей отделением кардиологии. Сейчас моего товарища дорогого уже нет, но это был необыкновенный человек, настоящий друг. Так и не женился, кстати.

– А как же вы вышли из депрессии? Прошу прощения за нескромный вопрос. Не отвечайте, если не хотите.

– Сон мне приснился. Будто я собралась перерезать себе вены. Знаете, я тот сон так отчетливо помню.

Ну вот. Умирать, да еще так, мне было страшно, а жить еще страшнее. Девочек отправила к своим родителям на дачу, написала прощальную записку. Вдруг – звонок в дверь. Открываю. Стоит мой Вася и говорит:

– Ты что, мать, сдурела?

– Васенька, ты жив?

– Любимая, дорогая моя, Валечка, погиб я, а ты живи, очень тебя прошу. Ты должна жить долго и девочек вырастить. А когда встретишь достойного человека, с которым тебе будет легко, будь с ним. Обещай.

– Не могу я без тебя, не могу.

– Знаю, родная. Но ты обязана жить за нас двоих. Обещай мне, умоляю.

– Обещаю, обещаю, обещаю, – кричала я и напугала своих дочек.

Проснулась, они стоят около меня, две мои дочки, и плачут. Мы обнялись. Долго рыдали в голос.

На следующий день я привела себя в порядок, сходила в парикмахерскую, покрасила волосы, ведь сразу после известия о смерти Васеньки я поседела. Красиво оделась и пошла на работу. Так и живу за двоих. И даже порой думаю, а сон ли то был...

Она повернулась к своему собеседнику и увидела его глаза, полные слез.

Валентин Петрович вспомнил свое письмо Маше, то свое состояние безысходности и отчаяния. Но они прожили гораздо дольше, а у этой женщины столько сил и благоразумия.

– Спасибо, Валентина Петровна, за ваш рассказ. Я будто прожил заново свою историю. Только не могу сейчас говорить.

– Это вам спасибо, что выслушали, я ведь никому не рассказывала тот сон, вы – первый.

– Тем более благодарю, польщен вашим доверием и откровенностью. Выходите за меня замуж, – это вырвалось само собой, без обдумывания и подготовки.

– Валентин Петрович, мы же с вами взрослые и разумные люди.

– Нет, прошу, не отказывайте мне. Подумайте, пожалуйста.

– Пойдемте обедать. Послезавтра я уезжаю.

– Куда?

– Домой. Вы очень милый и добрый человек. Мне приятно было с вами познакомиться и подружиться.

– Хотите, я вас отвезу? Я на машине.

– Спасибо, за мной младший зять приедет. Так я их зову: старший зять и младший, хоть на самом деле муж старшей дочери моложе мужа младшей. Но так же веселее.

В таком хорошем настроении они шли по парку и говорили ни о чем. Валентине Петровне было легко и спокойно с этим высоким мужчиной с низким командным голосом и правильной речью.

Валентин Петрович был рад ощущению того, что жизнь продолжается и что он встретил женщину, с которой они одинаково думают, а если есть единомышленник, значит – нет одиночества.

Когда уезжала Валентина Петровна, генерал пошел ее провожать. За ней приехали дочка и ее муж. Когда пришло время прощаться, Валентин Петрович попросил:

– Дайте мне ваш телефон, пожалуйста, мы же не обменивались координатами, скажите, где вы живете, говорили с вами обо всем, и казалось, что еще успеется.

– Милый, хороший вы человек, зачем? Пусть все так и останется. Вы мне очень помогли, даже не представляете как. Прощайте, и всего вам самого лучшего.

Она села на переднее сидение и захлопнула дверь.

– Mam, кто этот статный мужчина? Он так на тебя смотрел.

– Это, доченька, прекрасное видение напоследок.

– Мамуль, ну ты даешь. А красивый какой. Сколько ему лет?

– Восемьдесят, представляешь. Давай не будем об этом, очень тебя прошу, дорогая. Как вы там все?

– Все хорошо. Готовимся к твоему юбилею. У тебя ведь будем отмечать? Ты не забыла? Через десять дней – твой день рождения.

Валентин Петрович ходил по парку и думал о женщине, вернувшей его к жизни. Гулял больше, чем обычно. Утром до завтрака он зашел к начальнику приемного отделения.

– Товарищ генерал, здоровья желаю. Чем могу быть полезен? – улыбаясь, спросил тот.

– Просьба у меня к вам, хочу попросить координаты одного человека.

– Женщины?

– Как вы догадались?

– Интуиция. Вообще-то не положено, но, зная вас, не могу отказать.

В восьмидесятый день рождения Валентина Петровна позволила себе спать до десяти часов, обычно она вставала в шесть утра. Решили отмечать у нее в квартире, дети предлагали ресторан, но она отказалась. Согласилась на то, что все приготовят дети и внуки, а она будет царить, принимать поздравления и наслаждаться. Стол поставили в самой большой комнате, были только свои, в разгар праздника раздался звонок в дверь. Открывать пошла именинница. На пороге стоял Валентин Петрович с букетом васильков.

– Как вы догадались, что это мои любимые цветы?

– Просто знаю. С днем рождения, дорогая, – и на ладошке протянул красную бархатную коробочку. Она открыла, там было кольцо.

– Я согласна. Так и решила тогда, если приедете, найдете меня, значит – судьба.

Волна судьбы

... Что назовут потом судьбой, всё делаем мы сами

Первая глава

Ире исполнилось девятнадцать лет. Жила девочка в маленьком провинциальном городке с родителями. Городов таких в России множество, назовем его город N-ской области, территориально он находится примерно в ста пятидесяти километрах от Москвы.

Мама-тиран и папа-подкаблучник. И в основном общались они так: «Да что же ты за пустое место такое?..» – кричала мама, а он, как ребенок, отворачивался и рожи корчил, жене не перечил, чтобы не связываться. Такое поведение родителей Ира наблюдала на протяжении всей своей девятнадцатилетней жизни.

Ежегодно, как ритуал, отмечали мамин день рождения с приглашением непременно всей ее родни (папин день рождения отмечали крайне редко, только раз в десять лет, с приглашением и его родни плюс к маминой), тогда говорилось про их любовь, которая была когда-то...

Начиналось все так. Папа три года отслужил на морском флоте. И как только оказался на берегу, сразу бойкая красавица покорила его неискушенное сердце. Встретились они на танцплощадке, и пошел за ней моряк без оглядки, как замороженный. Ей было девятнадцать, ему – двадцать три. И глазом не успел моргнуть молодой человек, как громкая, высокая, властная, считающая себя последней инстанцией истины и бесконечно любящая исключительно себя девушка стала его законной супругой.

А после рождения Ирины куда-то та любовь улетучилась.

Да и в отношениях с дочерью жена не отличалась ни лаской, ни терпением. По любому поводу она безапелляционно Ире заявляла своим оглушающим грудным голосом примерно так:

– Я – мать, ты по гроб жизни мне обязана, как хочу, так и будет, – а если поступали какие-нибудь просьбы со стороны ребенка, например, по поводу одежды или книг, то звучали такие слова: – Нечего мне тут... будет яйцо курицу учить! Знай свое место и не вякай!

В итоге девочка, поняв, что с мамой спорить и дискутировать бесполезно, никогда ей не перечила.

В такой семье Ира росла и мечтала о настоящем большом чувстве. Она верила, что когда-нибудь обязательно появится рыцарь со взглядом, проникающим в душу, и... он на руках понесет ее в Счастье. Именно так думала Ира в свои девятнадцать лет, мечтая о прекрасном будущем, даже несмотря на то, что случилось с ее подругой Зиной. А случилось вот что.

Ирина и Зинаида тогда работали в городской больнице медицинскими сестрами. Там Зина и познакомилась с молодым врачом, устроившимся на подработку. Быстро у них получился служебный роман. И вскоре выяснилось, что Зина беременна. Сообщив любимому новость, девушка неожиданно для себя услышала, что он ее совершенно не любит и единственное, что может предложить, это – немного помочь деньгами, чтобы сделать операцию.

Зина слушала и не могла понять: как же так? Раньше шептал, что она – единственная, любимая и самая лучшая, ухаживал красиво: цветы дарил, розы красные. А после сообщения о беременности совсем по-другому заговорил, она даже представить себе не могла, что такое бывает. Стал говорить, что все женщины – обманщицы и она такая же и что ребенок, вполне возможно, не от него.

Город их небольшой и неуютный. Взрослые жители в большинстве своем словно роботы: работа – квартира – огород. Молодежь, глядя на родителей, делала выводы. Активные стреми-

лись сбежать из провинции в ближайшие более крупные города, пассивные становились еще более примитивными, чем родители, которые не жили, а выживали.

Зина жила с тетей, которая ей фактически заменила маму и папу.

Пожились Зинины биологические родители очень молодыми, и разбилось их хрупкое счастье, не выдержав трудностей. Видимо, слишком рано всё произошло, людьми стать не успели, так деревянными и остались, а тут и Зина родилась. И начались серьезные проблемы. Но страшнее всего то, что дочка им обоим была не нужна. И если бы не вмешалась ответственная родственница, сестра мамы, все могло бы закончиться плачевно.

Добилась Зинина тетя, чтобы сестра и ее муж от родительских прав отказались и просто исчезли из жизни дочери. Звали ее Зоя Анисимовна, работала она учителем в средней школе. Женщиной она была чудесной, образованной, преподавала русский язык и литературу, ну и репетировала, конечно. Еще вела в той же школе, где преподавала, бесплатные факультативы, количество слушателей-учеников было неограниченное. Администрация школы не возражала. Так много детей разных возрастов посещали занятия, которые проводила Зоя Анисимовна, что в выделенном для этого классе мест не хватало на всех. Дети размещались на подоконниках, приносили стулья из соседних классов, сидели по пять человек за каждым столом. Приходилось проветривать каждые тридцать минут. Ученики приводили своих друзей из других школ. Родители порой заходили, интересовались, чем таким дети занимаются, что их даже заставлять не нужно. Хорошим ли?

Умела увлечь своим предметом Зоя Анисимовна, из двоечников делала хорошистов. Удивительно: после уроков этого удивительного учителя дети не только по русскому и литературе подтягивались, но и по остальным предметам тоже.

В их городе учителя, родители и дети были уверены, что Зоя Анисимовна какое-то «заповедное слово» знает, а дети ее Волшебной училкой между собой звали.

Личная жизнь у Зои Анисимовны не складывалась, как у всех волшебниц. Была она чудо как хороша, заглядывались многие. Но после того как парень, с которым встречалась, женился на ее подруге, узнав, что Зоя удочеряет свою племянницу, в мужчинах разочаровалась. И она решила, что суженый погиб во младенчестве.

Зоя была бесконечно добра, справедлива и умна. Зина называла ее мамой, и жилось им очень хорошо.

Только с половым воспитанием своей дочери-племянницы не справилась учительница-маг. Не успела девочке рассказать про то, что от сексуальных утех бывают дети, и думать об этом в первую очередь должна женщина, так уж мать-природа распорядилась. Несомненно, Зоя Анисимовна считала своим непростительным упущением то, что произошло с Зиночкой. Но локти кусать было бесполезно. Девочка пришла и все рассказала. Ее любовное фиаско чем-то было похоже на анекдот. Гусар был обслужен женщиной легкого поведения, одевается и уже открыл дверь, чтобы уйти, женщина ему:

– А деньги?

– Гусары денег не берут!

И с гордо поднятой головой вышел, громко захлопнув дверь.

Зине парень просто очень нравился, и по своей наивности девушка думала, раз он лишил ее невинности, значит, должен жениться.

После долгих разговоров и сомнений решили делать аборт. Сказать страшно, а делать еще страшнее.

Зоя Анисимовна договорилась с заведующей женской консультацией в медицинском центре, все ей рассказала, мол, так и так, помогите.

– А давайте его заставим жениться на вашей дочке, – предложила симпатичная и предприимчивая заведующая. – Я это организую в лучшем виде. Сделает все, что захотим, как

миленький. Много таких женили, их же тепленьких ловят, гаденышей, любителей девочек невинных портить.

– Не надо. Зиночка не такая. Не нужен ей бычок на веревочке, с ним потом всю жизнь нянчиться и мучиться придется. Ей нареченного надо встретить. Нагляделась я на ее родителей. Хорошо, что я есть, а то как бы жила она? Страшно представить. Сколько денег им заплатила, чтобы от родительских прав отказались. Без слез не вспомнишь, с каким трудом девочку мою у них выпарапывала и удочеряла. А потом еще отдавала долги много лет.

– Как скажете. Для вас, дорогая, ничего не жалко. Знаете, как дети вас зовут?

– Да, знаю. Пусть. И прозвище это мне нравится. Хочется всем детям помочь родной язык узнать. Весь мир бы обучила. Вот узаконим факультативные занятия, чтобы помещение нормальное выделили, всех по возрастам разделим, вообще будет замечательно. Сейчас этот вопрос решается.

– А вдруг где-то под окном стоит царь Салтан и слушает? И быть вам как в сказке? Министром образования? Хотите?

– Воображение у вас... конечно, министром – нет, а в чудеса верить хочется. Зиночка моя выросла. И принца своего встретит. Я точно знаю.

Зине сделали операцию. С врачом тем она рассталась без претензий. Он много раз пытался возобновить отношения, однако девушка была неумолима и решительно его отвергла, после чего ловелас, который так жестоко поступил с доверчивой девушкой, даже замуж звал. Но ей было настолько противно его видеть, что предложение его она проигнорировала и больше с ним не общалась, вычеркнув навсегда его из списка людей, которых замечала. После чего Зина сменила работу и стала готовиться к поступлению в медицинский институт.

С Зиной Ира познакомилась в детском саду. Потом они за одной партой сидели. Зоя Анисимовна отдала племянницу не в ту школу, где сама преподавала, чтобы не было соблазнов ни у нее самой Зину выделять, ни у девочки филонить. Но на факультативы к Зое Анисимовне подруги ходили, хоть та и возражала. Но в конце концов Зина взмолилась:

– Я же не виновата, что ты моя мама. Мы с Ирой тоже хотим быть образованными, как ты. Можно? Разреши, пожалуйста. Мы не будем твоими любимчиками, честное слово, обещаем. Ир, скажи? – Подруга кивала и жалобно смотрела.

Зоя Анисимовна сжалась над ними и разрешила.

Девочки вместе поступили в медицинское училище, поскорее хотели специальность получить, потом работали в одной больнице, Ира – в хирургии, Зина – в терапии.

Ирина семья учебу не жаловала, папе было все равно, а мама считала, что надо на заводе работать, причем без училища и тем более без института. Лучше всего инструменты выдавать, затем постепенно по хозяйственной линии расти. Папа, как всегда, молчал.

После Зининого неудачного романа Ирина мама, подслушав разговор девочек, поставила ультиматум:

– Или я, или подруга твоя гулящая, выбирай. Проституткой хочешь стать? Чему ты у нее сможешь научиться? Как к мужикам в постель прыгать? Она смазливая, а ты – непонятно что. Ребенком вроде ничего была, а выросла... Откуда такой нос взялся? Хотя знаю, вся в отца своего непутевого, кабы сдох совсем. У Зинки волосы такие шикарные, а у тебя – ни волос, отец лысый, как коленка, ни характера. Не в меня ты, не в меня.

Мать с детства Ире указывала на непривлекательную внешность, с ее точки зрения. А тогда разошлась не на шутку:

– Если хочешь дома жить, соблюдай: всё – по-моему, всегда и во всем! Проедаешь больше, чем в дом приносишь.

Ничего Ира не ответила, выслушав ту тираду. На следующий день, пока родители были на работе, собрала самые необходимые вещи, взяла свои документы, любимые фотографии и ушла, оставив письмо:

«Я выбираю Зину.
Прощайте, не поминайте лихом.
Ирина».

Зоя Анисимовна прописала Иру у себя. Процесс переоформления регистрации сопровождался сценами материнского гнева Ириной мамы:

– Имей в виду: уйдёшь, обратно не пушу, прокляну, наследства лишу. Неблагодарная дочь! Говорили мне, что один ребенок – всегда эгоист, надо второго заводить; идиотка я, не послушала умных людей. Вот ты – сплошной риск. Никакого прока от тебя. Другие вырастают, выгодно замуж выходят, ты только читаешь. Да что там в книжках? Враньё одно, тьфу... Лишнее – женщине учиться. Зачем, спрашивается, растила тебя, дармоедку, в муках рожала, фигуру себе испортила, ночей не спала, себе во всем отказывала? Тварь ты после этого. Отца твоего, кретина, терплю всю жизнь. Подумай хорошенько, мать одна. Чему тебя в этой семье научат? Дура ты, дура и есть.

Ира в ответ или молчала, или не выходила даже, когда мать к Зое Анисимовне приходила требовать, чтобы дочь домой вернулась. Приходила неоднократно и кричала:

– Ирку украла, зараза, где видано такое? Ведьма проклятая, околдовала ты ее. Своих детей нет, ублюдка пригрела. А Зинка вся – в мать свою. Знала я ее, та ещё шалава. Детей учишь? Сколько их родители тебе платят? Весь город обираешь. Милицию приведу, в суд подам. Кто меня в старости содержать будет?

В самом начале семейной жизни Ирин папа подавал документы в сельскохозяйственную академию, он с детства любил в земле копать, домашний скот выращивать. Но новоиспеченная жена-хозяйка настояла посредством обыкновенного шантажа, чтобы документы из академии он забрал:

– Руки на себя наложу, так и знай! В деревню не поеду в грязи жить. Ну кем ты, неудачник-простофиля, после этого заведения будешь, агрономом каким-нибудь, животноводом? Пошлют тебя в самую захолустную глухомань. Я городская женщина! Имей в виду, с тобой в деревню не поеду. Забирай документы, или я, или академия твоя.

Тогда она уже Иру под сердцем носила. Так и сделал горемычный муж, как велела жена-повелительница. С тех пор Ирин папа и стал молчаливым, создавалось впечатление, что он находится в состоянии медитации, когда супруга что-то говорит.

После десяти лет работы на заводе получили Ирины родители участок земли в шесть соток под садовый домик, стали выращивать овощи, ягоды, яблоки. Много консервировали, солили, варенье варили, сушили и т. д.

Позже увлекся Ирин папа пчеловодством, поставил ульи в саду, там и пропадал, в отличие от матери, на дочь не ругался, частенько ее с собой брал в сад. С пчелами и разговаривал, и любил их. Мать Ирина пчел терпеть не могла и мед не ела. Выходит, отец для дочки и себя мед собирал, еще ближним соседям отдавал, чтобы не сильно ворчали, что пчелы через их участки летают.

Между тем отец Ирин был мужчиной жилистым, поджарым и энергичным. Женщины на него внимание обращали, конечно. С женой они спали в разных комнатах уже давно. Между собой Ирины родители практически не общались, но не расходились.

Еще Ирина мать постоянно копила деньги, отрезывала дорогих тканей, посуду, книги, при этом сама книг не читала, просматривала, но не вникала, драгоценности прятала, не носила, чтобы никто не догадался, что деньги водятся. Возможно, не уходил от нее муж, понимая, что если уйдет, то жена Иру вообще со света сживет своим ужасным характером и гипертрофированной жадностью. А она еще и приbedнялась и на здоровье жаловалась:

– Ой, не проживу я долго.

А чуть где заколет – сразу к врачу. Всем рассказывала, как ее любят и уважают на работе и в поликлинике, во дворе и везде:

– Все говорят, что я такая хорошая женщина, улыбаются мне, про свою жизнь рассказывают. А вот вы меня дома не цените, только расстраиваете.

Была Ирина мама миловидной женщиной, но это было только внешне. Знакомые ее потихонечку обходили, старались пройти по другой стороне улицы, чтобы не встретиться с таким «любимым» всеми человеком. Известно же было про ситуацию дома, где росла постоянно обижаемая матерью дочка и обитал забитый муж. И как обожаемые ее родственники говорили ей:

– Так выпьем за домострой, который удалось создать в этой семье.

В итоге жили не бедно, но плохо. Да и родственники мамы не особо часто жаловали, только на дни

рождения ее и приезжали. Все больше она к ним, чтобы отдохнуть от дома, где, как она жаловалась, заездили ее, как ломовую лошадь.

Как-то во время очередного похода Ириной мамы к Зое Анисимовне Ирина отправилась к папе, хотела с ним повидаться без мамы. Отец очень обрадовался, поцеловал дочь и вдруг заговорил:

– Учись, доченька, кровиночка моя. Ты не держи зла на нас. Мать – она просто кем-то заколдована. Не могу я ее бросить, видно, так на роду мне написано. Ведь хорошая девушка была. Не мог я так жестоко обмануться. Видимо, где-то внутри она хорошая, только сама об этом забыла.

– Папа, я первый раз слышу, что ты больше двух слов сказал.

– Знаешь, моя дорогая и любимая Ирочка, не могу я в присутствии твоей матери ничего говорить. Рот открываю, а слова не идут, внутри остаются.

Представляешь, книжки тайком от нее читаю, ноутбук купил, у товарища держу, интернет осваиваю. Собираюсь посерьезней пчелами заняться.

Мама твоя неспособной к обучению оказалась из-за жадности своей патологической. В голове одни денежные купюры.

В молодости глаза прям светились. Полюбил я ее тогда. Только с брачком она оказалась. Не в магазине брал, назад не сдашь. Да и в магазине не всё обратно принимают. Не придумали еще, как из плохих людей хороших делать.

Не расставайся со своей мечтой. Хочешь быть врачом – стань, хочешь быть счастливой – будь.

Мобильный я купил, вот номер мой, будем общаться. Прости нас. Сейчас трудно тебе, понимаю.

Но обида тяжела, а душа должна быть свободна, ей груз не нужен. Прости.

Они обнялись, поцеловались, оба плакали. Это был один из самых счастливых моментов в жизни Иры. Внутри все то сжималось, то разжималось, слезы лились, было ей и хорошо, и плохо одновременно.

Ирина жила у Зины и Зои Анисимовны. Хозяйство вели вместе и по очереди дружно и весело. Все трое работали, и бюджет был общий.

Спустя несколько месяцев разместила Ира резюме на всех возможных сайтах, разослала во все московские больницы; начала готовиться к поступлению в медицинский институт. Она и раньше готовилась, но разговор с отцом так благотворно повлиял на нее, что в памяти все знания упорядочились, и стало ясно, что еще надо подучить, вспомнить, закрепить.

Вскоре позвонили из московского медицинского центра и пригласили на собеседование на должность хирургической медицинской сестры в отделение травматологии. Центр организовался на базе городской больницы, и в срочном порядке подбирали персонал. Грамотных и опытных медсестер, умеющих ассистировать на операции, с хорошими рекомендациями, найти даже труднее, чем врачей.

– Ура, пригласили, Зинка, завтра поеду.

– Такие медики, как ты, на дороге не валяются.

Вечером рассказали Зое Анисимовне.

– Ну и славно. Ужин есть у нас?

– Все готово, мам, мой руки, сегодня Иркино фирменное блюдо – картошка с грибами.

– Ах вы мои дорогие. Как я вас люблю. Давайте выпьем, вино у нас, кажется, есть.

– Мамуль, ты же не пьешь.

– А сегодня хочу выпить вина.

– Есть повод?

– Еще какой. Представьте себе: хороший парень, десятый класс, в шахматы играет, руки золотые. А с грамотностью – просто беда. Несколько месяцев назад подошел ко мне после занятия, когда все ушли, и попросил с ним позаниматься русским языком. Проверила его уровень и ужаснулась:

– Вадик, это твой родной язык?

– Так получилось.

– Обычно со мной родители договариваются.

– Понимаете, папа дальнбойщик, мама четвертым беременна. Я – старший. Они и не знают, что к вам пошел. Курьером подрабатываю. Но деньги им отдаю. Мечтаю стать юристом. Вас ребята Волшебной училкой зовут. В моем случае только вы и сможете помочь. Сам пробовал, не получается, запустил русский, виноват, конечно.

– Видишь ли, мальчик мой, волшебство получается, только если учитель и ученик навстречу друг другу идут, а не так, что ученик убегает, а учитель его догоняет. Понимаешь?

– Буду стараться, Зоя Анисимовна, миленькая.

И глаза ясные такие и печальные.

– Уговорил. Учить тебя буду бесплатно. Не спорь. Станешь юристом, это и будет для меня награда.

Такая история. Теперь – четверка, твердая четверка. Вадик сегодня диктант написал.

Давайте за всех мальчиков и девочек, которые хотят учиться. И неважно, сколько им лет. Учиться, так же как любить, никогда не поздно. Вам женихов хороших, чтобы любили просто так, и вы их тоже.

Здоровье и развитие ума – основа всего, а деньги – дело наживное.

Вторая глава

На следующий день Ира рано утром поехала в Москву. Ей назначили на одиннадцать часов. Первая встреча, опаздывать нельзя.

Всю дорогу, пока ехала, вспоминался первый в жизни разговор с отцом. «Но ведь это не последний наш разговор? – думала она. Я столько времени мечтала с ним поговорить, а получилось так неожиданно. Вот бы с мамой так пообщаться хоть один разок». Конечно, она не сердилась на родителей, но о том, что ушла, не жалела ни капли. И просить у них ничего не собиралась ни при каких обстоятельствах.

Войдя в медицинский центр, Ира сразу поняла, что в ее жизни наступают перемены, которых она так долго ждала. Девушка видела такие центры только в зарубежных сериалах и не думала, что такие есть на самом деле и тем более что ее туда на собеседование пригласят.

На ресепшн все администраторы – улыбочивые и доброжелательные. Ирине дали пропуск и сказали, что ей надо в 201 кабинет, на второй этаж. Охранник показал, как пройти турникет. Зашла в лифт, едет, ощущение, будто все это сон. Вышла на втором этаже. Чтобы пройти, к каждой двери надо пропуск прикладывать, а чтобы выйти – кнопку нажимать. Никогда раньше девушка не была в таких светлых во всех отношениях помещениях: стены белые, потолок белый, все работники в форменной одежде, и у многих она белого цвета, в белой обуви.

На втором этаже – тоже ресепшн. Там – две работницы Ириных лет. Одна из них и проводила ее в 201 кабинет.

На двери – табличка: «Заведующая отделением травматологии Пирогова Роза Евгеньевна». Ира постучалась.

– Заходите.

Перед ней сидела деловая женщина в белом костюме. Рыжие волосы, стильная стрижка, черные брови, зеленые глаза. Спина прямая, как у всех врачей-травматологов, а когда женщина держит осанку, то у нее все линии становятся четче, овал лица, шея, плечи и руки. Роза Евгеньевна сидела за столом спиной к окну, лицом к входящим, что характеризовало ее как открытого человека, готового к решениям и уважающего людей, приходящих к ней в кабинет. Лицо ее располагало к общению.

– Здравствуйте, Роза Евгеньевна.

– Здравствуйте, милочка.

– Извините, но я Ирочка.

Заведующая улыбнулась. Сразу ей стало ясно, что эту девушку она непременно зачислит в штат.

– Ирина Васильевна, милочка – это просто обращение такое. Но мне нравится ваша наивность и непосредственность. Садитесь, пожалуйста. Вы из N-ской области? А учились где?

– В районном медучилище. В резюме я подробно написала, даже отметки приложила.

– Да, я ознакомилась, – Роза Евгеньевна опять чуть было не сказала «милочка», но удержалась, – и отметки, и рекомендации видела. Ваше резюме отличается от многих пустых и составленных формально. Хирургическая медсестра, а крови не боитесь? Не думаю, что в вашем возрасте вы много ассистировали.

– Ассистировала много, крови не боюсь, и работы тоже. Медицина меня с детства влекла, собираюсь стать врачом. Роза Евгеньевна, можно вопрос задать?

– Задавайте.

– Скажите, Пирогов Николай Иванович родственник вам?

– Однофамилец. Но отчасти поэтому я и в медицину подалась. Ну ладно. А где будете жить? Рабочий день у медсестер в восемь начинается. Из вашего города не наездишься, далеко и утомительно. Медработник должен быть здоровым, бодрым, всегда опрятным и в нормальном настроении. Тогда пациенты будут уверены, что обратились не зря и помощь им оказывается профессиональная и качественная.

– Разве у медицинского центра нет общежития?

– К сожалению, пока нет. Но в особых случаях больница, на базе которой образовался центр, нам выделяет места в своем общежитии. Вы нам подходите. Испытательный срок три месяца, с общежитием пока вопрос оставим открытым. Через две-три недели можете выходить. Как раз закончите свои дела и найдете, где жить, пока с общежитием решим.

Поблагодарив, сказав, что рада знакомству и постарается оправдать оказанное доверие, Ира вышла из кабинета заведующей. Зашла в отдел кадров, как говорила Роза Евгеньевна, отметилась. Выйдя на улицу, поняла, что вопрос с жильем повис в воздухе. И только она подумала об этом, как зазвонил мобильник, это была Зина.

– Сколько можно ждать? Мы с мамой волнуемся, как ты там?

– Приняли с испытательным сроком в три месяца, даже с общежитием потом обещали помочь, пока где-то надо жить... А где, не знаю.

– Слушай, мама, оказывается, договорилась со своей институтской подругой, она в Москве живет на Валовой улице. Дочь ее в Голландию уехала, сказала, что можешь вполне у нее пожить, за дочку сойдешь. Что Зоина подруга – ее подруга. Представляешь?

– А за сколько?

– Представь себе, за просто так.

– Не может быть.

– Еще как может. Сколько ты натерпелась со своими предками. Мы ведь – оптимистки! Да?

– Ну спасибо. Мама твоя и правда Волшебная училка. Сейчас позвоню ей.

На работе ее отпустили сразу, даже не потребовали две недели отрабатывать, еще и премию дали за терпение и целеустремленность. Главный врач пожелал девушке всего самого лучшего, работать, выучиться на хирурга и быть счастливой. Девушка слушала его, а думала о папе, как он там и не распилит ли его мать совсем, пока она, Ирина, будет становиться счастливым врачом.

Третья глава

Перед тем как выйти на работу, Ира поехала на несколько дней отдохнуть в Крым. Плавать Ира научилась в школе, у них была учительница по физическому воспитанию, бывшая пловчиха, оставившая большой спорт по причине травмы. И в связи со своим нежным отношением к плаванию она договаривалась с администрацией городского бассейна и там частенько проводила уроки по физкультуре. В итоге все ее ученики плавали очень хорошо.

На море Ирина была всего один раз, в возрасте шести лет, и в памяти сохранились смешанные воспоминания: чарующий воздух, мягкий песок – и как мама ругалась, что дочь такая грязнуля, вся в песке с ног до головы.

Приехав, Ира первым делом сразу на пляж и отправилась.

В воду забежала и поплыла. Ощущение чудесное. Стала выходить, а у самого берега – закручивающаяся волна. Ира не устояла на ногах и... попала в эту волну. Входила в воду, ни о чем не подозревая, но у берега, когда девушка выходила, волны оказались коварными закручивающимися ловушками, которые ее будто поджидали. И волна-то небольшая, а захватила тело и закрутила. И ведь буквально у самой суши. Встать не получалось, а выйти из воды – и подавно.

Уже побежали мысли о прожитой жизни, как ее подхватили чьи-то руки, вынесли и положили на берег.

Над Ирой стоял молоденький парень. Он был высок, по-юношески статен. Все, что произошло, длилось совсем недолго, девушка даже испугаться не успела, но если задуматься, то могла задохнуться, потому что природная ловушка крутила, а Ирина была внутри волны.

– Ты ангел?

– Похож?

– Есть немного. Спасибо.

– Не за что. Я тебя увидел, когда ты в воду входила. И подумал, вот бы спасти такую красавицу; как только ты упала, сразу побежал к тебе. Испугалась, наверное?

Он присел рядом. Такого открытого взгляда Ира никогда не видела раньше. Интересно, думала она, останется ли такой взгляд, когда он вырастет, ведь взгляд, говорят, не меняется. Первый раз в жизни кто-то сказал ей, что она красивая. Она заметила, что у парня глаза почти черные, а волосы прямые до плеч и золотые. Брови будто нарисованные, губы красивые. Смотрит, будто в душу заглядывает. Голос вроде бы низкий, но еще не совсем сформировавшийся. Мальчик-отрок, еще даже не юноша. Щечки гладкие, скулы только намечаются. Что-то в этом мальчике было необъяснимо притягательное и трогательное. И мелькнула мысль: вот бы ей такого мужа, только взрослого. А вслух сказала:

– Испугаться не успела. Пыталась выбраться, но никак не получалось. Бывает же такое, вся жизнь перед глазами пробежала, и тут – ты... Как зовут тебя, спаситель?

– Федор Филатов. А тебя?

– Ира. Сколько тебе лет?

– Пятнадцать ровно через месяц будет, а тебе?

– Девятнадцать.

Зачем-то хотела сказать, что исполнилось месяц назад, но промолчала. Неужели в свои девятнадцать она хочет казаться моложе? Или это из-за него?

– Ты из Москвы?

– А может, я местная?

– Нет, местные на пляж не ходят в будни, они вообще не ходят на пляж, в других местах купаются. Я тут с одним местным парнем познакомился, он меня просветил. Хочешь, пойдем куда-нибудь с ними купаться? Они все места знают.

– Давай. Но только завтра.

– Так откуда ты?

– Из Москвы. А ты?

– Из Питера.

– Ни разу там не была.

– Приезжай, я тебе город покажу.

– В каком же ты классе, Федя?

– В девятом.

– Чем собираешься заниматься, когда вырастешь?

– Вообще-то я уже вырос. Хочу стать врачом. А ты где учишься?

– Я работаю хирургической медсестрой. Ты с родителями здесь?

– С папой.

– А мама? Отпуск не дали?

– Мама погибла в автокатастрофе, когда мне было шесть лет. Только голос ее помню, она колыбельные мне пела. На фотографию смотрю и голос слышу. Так подпитываюсь, когда грустно или трудно.

– Прости, прости.

– Ничего. Все нормально.

– Папа твой чем занимается?

– Геолог, уезжает надолго, когда возвращается, мы куда-нибудь вместе ездим.

– Когда он надолго уезжает, ты что, один, что ли, живешь?

– С папиной сестрой. У нее – свои трое детей. Когда собираемся, нам, детям, очень весело, а тете – только успевай. Муж ее – мировой мужик, юрист, тетя – учительница музыки.

– И ты музыкой занимаешься?

– А как же. Конечно, в музыкалку ходил семь лет, как все.

«Ничего себе, как все, – подумала Ирина, – у нас только избранные музыкой занимаются».

– И что, прямо играешь на пианино?

– Да, только музыкантом не хочу, хотя говорят, способности у меня, но я решил, врачом-хирургом буду. Смотри, у меня руки, как у врача или пианиста, так моя тетя говорит, ногти растут так, что, когда их очень коротко стрижешь, ноготь как лицо, а кожа над ним как лоб. Видишь? На каждой руке по пять пальцев-человечков.

Ира думала, какой классный парень, только маленький, даже пятнадцати нет, и почему так несправедливо: если хороший, то младше ее. Потом спохватилась, стала корить себя за то, что размышляет о всякой ерунде, он же ее спас, и как повезло, что Федя рядом оказался.

– А я от родителей ушла. Не хочу с ними даже знаться, – сказала она, глядя на Федю.

– Почему? – искренне удивился мальчик-юноша.

Ира отвела взгляд и, немного помолчав, сказала, глядя туда, где море соединялось с небом:

– Не от хорошей жизни, поверь.

Так просидели они на берегу, больше не купались. Затем Ира засобиравлась, объяснив новому знакомому, что пора идти, ведь она только приехала и даже сумку не разобрала, побежала в море купаться. И вот случай, если бы не Федя, могла утонуть. Он спросил, придет ли Ира завтра, она ответила, что придет, договорились поплавать вместе.

Она шла в отель и думала о том, что если бы взрослым был, то и проводил бы, и номер телефона взял бы...

Больше Федя не появился.

Ира каждый день ходила на то же место, где они познакомились, но его не видела.

Периодически Ирина звонила Зине. Подруга рассказала, что мать Ирины приходила еще несколько раз, ругалась, спрашивала, где ее дочь неблагодарная, но Зоя Анисимовна ничего маме не рассказала и просила больше их не беспокоить.

Когда Ира летела в самолете в Москву, смотрела в иллюминатор, и мысли ее были о том, что, может, удастся увидеть мальчика-отрока Федю. Получается, что увидеть ангела можно только тогда, когда он появляется и тебя спасает. Он и похож своим поведением на ангела, иначе бы точно пришел ну хоть еще разок. Ира понимала, что глупо, думать о четырнадцатилетним мальчишке, однако запомнила, как Федор говорил, что через месяц ему будет пятнадцать. Злилась на себя, что не хватало еще ей влюбиться в ангела... Запомнила число, когда он ее из воды вынес. Пятнадцатое июля, значит, пятнадцатого августа Феде исполнится пятнадцать. Стало Ире интересно, каким он станет, например, через восемь лет, ей двадцать семь, а ему... И все-таки было интересно.

Четвертая глава

Теперь вернемся немного назад. Почему же не появился юный Федор на пляже ни на следующий день, ни позже?

Федя шел к папе, хотел поделиться тем, что случилось. Мысли так и кружились. Он думал о том, как спас девушку, и, если бы не он, Ира просто утонула бы, задохнулась, погибла. С одной стороны, получалось, что он – герой, с другой – обычный человек, потому что любой бы так поступил. Но спас не кто-то, а он. И еще думал Федя о том, какая Ира прекрасная, и что он даже не подозревал, что с ним такое может случиться. Конечно, мечтал спасти кого-нибудь, но такую девушку встретить и вынести на руках из морской пучины... этого не мог себе даже представить. На этой мысли Федя столкнулся с прохожим. Извинился. Картинки, связанные с происшедшим, так и кружились в голове. Он размышлял: что такого, что вынес из воды, и вместе с тем здорово все-таки. И что она не такая, как все. В школе – девчонки другие, глупые, поговорить с ними не о чем, а с ней говорил бы и говорил до бесконечности. Не может быть, неужели такая любовь и есть, думал Федя. Потом вспомнил, что она взрослая. Он никогда на таких взрослых девушек не обращал внимания как на предмет любви, считая их старыми. Но Ира – совсем же другое дело. Не заметил, как подошел к отелю, где они остановились. Увидел отца и – к нему.

– Паа... что расскажу. Я девушку спас. Она тонула у самого берега.

– Разве у берега можно тонуть?

– Можно, волну закрутило, она в нее и попала. Я ее вынес из воды.

– Силен, Федька, силен. Красивая?

– Я серьезно.

– Я тоже. Давай переодевайся, я все собрал, будем номер сдавать.

– Как сдавать? Еще три дня.

– Срочно уезжаем. Мне позвонили, сообщили, что нашли мои ребята новое месторождение, надо ехать незамедлительно, без меня не справятся, так что отпуск прерываю в экстренном порядке.

– Мы с Ирой договорились завтра поплавать.
– Мал ты еще с Ирами плавать. Сколько ей лет?
– Девятнадцать.
– Знаешь, конечно, раньше в четырнадцать мальчиков к белошвейкам водили...
– Отец, обижусь, как тебе не стыдно. Пошляк ты, совсем со своей геологией про жизнь забыл.

– Какая жизнь? Как Ольга погибла, не вижу я женщин, только она одна и была. Поэтому не сердись. А глупости свои брось. На сборы тебе полчаса, в машину и – домой, в Питер.

– Она ждать будет. Я даже телефон ее не взял, на завтра понадеялся.

– Забудет русалка про тебя, мальчика. Ей мужики нужны, а не мальчики безусые. Но на будущее – не надо ничего на завтра откладывать. Слышишь? Ничего. Делай сразу. Будет тебе урок. Не могу я ребят подвести, вырастешь, поймешь.

– Всегда вы, взрослые, так говорите. Впрочем, наверное, ты прав. Представляешь, она в Питере не бывала. Я даже фамилию ее не знаю. Хотя не пара мы, конечно, ты прав, как всегда.

– Федя, жизнь – такая удивительная штука, если это судьба, то столкнет она вас еще. Только узнаете ли друг друга?

– Я ее никогда не забуду.

– Так уж и никогда? Ну ладно. Поехали?

– Да.

– Вернемся, тебя – к моей сестре, а я, похоже, надолго. Что бы я делал без нее. Жалею, что мы с Ольгой тебе сестренку или братика не родили. Все моя работа, ее пение.

– Разве певицы не могут много детей иметь?

– Почему же, могут. Только кто-то тогда должен помогать, или няню надо, а тогда с деньгами у нас было не очень, мягко говоря. Время было сложное. Мама не решилась бросить работу и несколько лет детьми заниматься. Она не певунья-сипунья, а меццо-сопрано, это божий дар, сынок. Пела легко и гармонично. Трудяга к тому же. Восходящей звездой ее считали. Жизнь распорядилась жестоко. Осиротели мы с тобой, Федька. Но ради нее, ради Оленьки нашей многого добьемся. Как думаешь?

– Добьемся. Стану известным хирургом. Мама бы нами гордилась. Ира, кстати, возможно, тоже будет поступать в мед, она медсестрой работает.

– А что, в медицинском и встретитесь. Ну, давай. Давай. Торопиться надо.

Пока ехали, разговаривали всю дорогу. Вернее, говорил отец, сын кивал, односложно отвечал или издавал звук «М-угу», что означало, что он всё понимает, но говорить не хочет, в общем, Федор молчал больше, чем обычно, был задумчив и немногословен. Павел Олегович мог вести машину сутки, без перерыва на сон. Постоянные экспедиции закалили, в результате он легко обходился без сна и без еды, как верблюд или разведчик. Но сына надо было кормить и следить, чтобы он не сбивался с режима. Поэтому они часто останавливались на перекусы и переночевали в мотеле.

Павел Олегович Филатов был очень хорошим отцом и верным любящим мужем. Олю свою любил до сих пор. Поначалу так страдал, что Рая, сестра его, боялась за него, думала, тронется умом. Но спустя год Павел взял себя в руки, с головой ушел в работу и заботу о сыне. Мужчиной он был видным, и на него многие поглядывали, но тронуть его «законсервированное» сердце ни одной не удавалось.

Федя был способным к обучению мальчиком, учиться любил, и друзей у него было много. Дружили с первого класса, помогали друг другу. Все хорошо складывалось. Если бы еще мама Федина была жива, но ее не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.